издательство грамота

Pan-Art

2026. Том 6. Выпуск 2 | 2026. Volume 6. Issue 2

ISSN 2949-2386 (online)

Материалы журнала доступны на сайте (articles and issues available at): pan-art-journal.ru

RU

Исследование феноменов онтологической неуверенности и защитных стратегий личности в последнем романе М. Горького

Лесевицкий А. В.

Аннотация. Цель исследования – предложить философскую интерпретацию образа главного героя романа М. Горького «Жизнь Клима Самгина» через призму экзистенциальной психологии Р. Д. Лэнга, рассматривая «расколотое Я» не как социальную патологию или моральный порок, а как особую защитную стратегию личности, формирующуюся в ответ на онтологическую незащищённость в раннем детстве. В центре внимания автора – философская проблема границ субъективности: каким образом индивид, лишённый адекватного «зеркального отражения» в детстве, выстраивает отношение к миру и к самому себе. Научная новизна заключается в том, что впервые в отечественном литературоведении и философии культуры аппарат лэнговской концепции «расколотого Я» системно применяется к анализу горьковского героя. В отличие от советской критики, видевшей в Климе лишь воплощение «самгинщины» – идейной беспомощности и исторической обречённости буржуазной интеллигенции, – автор показывает, что внешняя холодность, гиперрефлексия и отстранённая наблюдательность героя являются онтологической защитой от страха поглощения, растворения и утраты границ собственного «Я». В статье впервые проводится философское осмысление этического потенциала «расколотого сознания». Результаты исследования показывают, что роман М. Горького может быть прочитан как художественное исследование мировоззренческого кризиса личности, предвосхитившее открытия экзистенциальной психологии и философии диалога второй половины XX века. Автор устанавливает, что «расколотое Я» Самгина – это не ментальная патология, а закономерный продукт дисфункциональной семейной среды, где ребёнок не получил подтверждения своей реальности. Страх быть поглощённым Другим, стремление сохранить дистанцию, имитация социальных ролей и постоянная саморефлексия представляют собой не моральные изъяны, а вынужденные механизмы психологического выживания. Более того, именно эта онтологическая неуверенность оказывается этически значимой: она блокирует возможность радикального фанатизма, открывая пространство для рефлексивного сомнения как альтернативы революционному догматизму.

EN

Investigating ontological insecurity and personality defensive strategies in M. Gorky's final novel

A. V. Lesevitsky

Abstract. The aim of the study is to offer a philosophical interpretation of the protagonist of M. Gorky's novel "Life of Klim Samgin" through the lens of R. D. Laing's existential psychology, treating the "divided self" not as a social pathology or moral failing but as a distinctive defensive strategy of the personality formed in response to ontological insecurity in early childhood. The author focuses on the philosophical problem of the boundaries of subjectivity: how an individual deprived of an adequate "mirror reflection" in childhood constructs a relation to the world and to the self. The scientific originality lies in the systematic application, for the first time in Russian literary studies and cultural philosophy, of Laing's apparatus of the "divided self" to the analysis of Gorky's hero. Contrary to Soviet criticism, which saw Klim merely as an embodiment of "Samginstvo" – the ideological helplessness and historical doom of the bourgeois intelligentsia – the author demonstrates that the protagonist's outward coldness, hyperreflexivity, and detached observance function as an ontological defense against the fear of being engulfed, dissolved, or losing the boundaries of the self. The article provides the first philosophical reflection on the ethical potential of "split consciousness". The results show that Gorky's novel can be read as an artistic investigation of the worldview crisis of the personality that anticipates discoveries of existential psychology and dialogical philosophy in the second half of the 20th century. The author establishes that Samgin's "divided self" is not a mental

Научная статья (original research article) | https://doi.org/10.30853/pa20260040

© 2026 Авторы. © 2026 ООО Издательство «Грамота» (© 2026 The Authors. © 2026 Gramota Publishing, LLC). Открытый доступ предоставляется на условиях лицензии CC BY 4.0 (open access article under the CC BY 4.0 license): https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/

pathology but a natural product of a dysfunctional family environment in which the child did not receive confirmation of his reality. The fear of being absorbed by the Other, the urge to preserve distance, role-playing, and constant self-reflection are not moral flaws but forced mechanisms of psychological survival. Moreover, this ontological insecurity proves ethically significant: it blocks the possibility of radical fanaticism and opens space for reflexive doubt as an alternative to revolutionary dogmatism.

Введение

Роман Максима Горького «Жизнь Клима Самгина» долгое время рассматривался в отечественном литературоведении как социально-историческая панорама, главной задачей которой было разоблачение буржуазной интеллигенции либерального толка, её идейной беспомощности и исторической обречённости. Однако при таком подходе за скобками оставался внутренний мир главного героя, который, несмотря на обилие текста, посвящённого его саморефлексии, воспринимался преимущественно как объект идеологической критики, а не как элемент вдумчивого понимания. Лишь сравнительно недавно в исследовательской литературе наметилась тенденция к пересмотру этой традиции: образ Самгина начали интерпретировать в контексте экзистенциальной философии, в поле проблем отчуждения, «пограничной ситуации», скепсиса и кризиса идентичности (Колобаева, 1990; Лесевицкий, 2025; Гавриш, 2018b).

Вместе с тем до сих пор не предпринималось попытки применить к анализу горьковского персонажа аппарат экзистенциальной психологии, в частности концепцию «расколотого Я», разработанную Рональдом Дэвидом Лэнгом в одноимённой монографии 1960 года (Лэнг, 1995). Он предложил рассматривать специфические психологические состояния не как набор симптомов, подлежащих изоляции и медикаментозному подавлению, а как осмысленные способы бытия-в-мире, защитные стратегии, формирующиеся в ответ на онтологическую незащищённость в раннем детстве (Коптева, 2011). Ключевое различие между онтологической безопасностью и неуверенностью, феномен страха поглощения, расщепление личности на «истинное» и «ложное» Я, гиперрефлексия – все эти категории, как будет показано в статье, обнаруживают поразительное типологическое сходство с самоанализом Клима Самгина. При этом важно подчеркнуть, что Горький не мог знать работ Лэнга, создававшихся четверть века спустя. На наш взгляд, подобное мировоззренческое сходство объясняется общей интуицией кризиса субъекта, характерного для эпохи модерна.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

1) обосновать правомерность применения концепции «расколотого Я» Р. Д. Лэнга к анализу образа Клима Самгина, показав, что психологическая структура героя типологически соответствует лэнговскому описанию онтологической неуверенности;

2) проанализировать ключевые эпизоды романа, в которых раскрывается онтологическая неуверенность Самгина: его детский опыт «неудачи в зеркальном отражении», отчуждение от социума, страх поглощения и попытки сохранить границы собственного «расколотого Я»;

3) исследовать механизм формирования «ложного Я» у Самгина и показать, что его внешнее поведение (имитация деятельности, неаутентичная социальная роль, отстранённое наблюдение) является не проявлением негативных качеств личности, а вынужденной защитной стратегией выживания;

4) интерпретировать сновидения Самгина (в частности, сон о «двойниках») как художественное воплощение лэнговской модели расщеплённого сознания.

Методологическую основу исследования составляют:

1) феноменологический подход, позволяющий анализировать внутренний мир Самгина «изнутри», без стигматизирующих ярлыков, и сосредоточиться на его субъективных переживаниях, страхах и способах защиты. Данный метод заимствуется из экзистенциальной психологии Р. Д. Лэнга, который в своей фундаментальной работе «Расколотое Я» отказался от объективирующего взгляда врача и занял позицию, ориентированную на понимание личности;

2) метод психологической герменевтики, обеспечивающий интерпретацию имплицитных смыслов художественного текста: анализ внутренних монологов Самгина, его диалогов с другими персонажами, а также символической структуры сновидений как носителей латентных свидетельств «расколотого Я» главного героя;

3) сравнительно-типологический метод, применяемый для сопоставления лэнговской концепции онтологически неуверенной личности с художественной антропологией М. Горького, что позволяет выявить типологические сходства без постулирования прямого влияния (поскольку роман создавался за четверть века до работ Лэнга).

Теоретическую базу исследования составляют фундаментальные труды Р. Д. Лэнга по экзистенциальной психологии, прежде всего его работа «Расколотое Я» (1960), где вводятся ключевые понятия онтологической неуверенности, «истинного» и «ложного Я», страха поглощения и гиперрефлексии (Лэнг, 1995). Для понимания контекста и последующей рецепции привлекаются работы последователей и критиков Лэнга (Коптева, 2010), а также современные исследования, посвящённые кризису идентичности и феномену «расколотого Я» в культуре XX века (Ануфриева, 2025; Подавылова, 2025).

Практическая значимость исследования заключается в том, что его результаты могут быть использованы в образовательном процессе при разработке вузовских курсов по истории русской литературы XX века, спецкурсов по творчеству М. Горького, а также в междисциплинарных семинарах, посвящённых взаимодействию

литературы и психологии. Предложенная методика анализа художественного текста через призму экзистенциальной психологии может быть применена к другим произведениям русской и мировой литературы, в которых изображается кризис идентичности. Материалы статьи могут быть включены в учебные и методические пособия, а также использованы в дальнейших исследованиях на стыке литературоведения, психологии и философии.

Обсуждение и результаты

Концептуальный каркас статьи родился из необходимости пересмотреть устоявшиеся трактовки образа главного героя романа Максима Горького «Жизнь Клима Самгина». На протяжении почти столетия этот персонаж служил мишенью для критики самых разных «мировоззренческих лагерей». Советское литературоведение клеймило его как «интеллигента-средняка», труса и извечного скептика, неспособного сделать исторический выбор между революцией и контрреволюцией: «Писатель настойчиво изучает психологию буржуазного “интеллектуалиста”, “умника”, опьяненного болезненным самомнением. Он докапывается до подлинных причин, побуждающих мещанина от интеллигенции заниматься “торопливым подбором книжной мысли” с целью оправдать свои идейные шатания и политические предательства. Главная причина – в извечном страхе буржуазного интеллигента перед народом, перед чреватой революционными изменениями жизнью» (Овчаренко, 1986, с. 200). Современные исследователи, в свою очередь, видели в нём трагическую фигуру раздавленного историей человека, но тоже не спешили сочувствовать главному герою книги (Оляндэр, 2023). Обе интеллектуальные традиции сходились в одном: Самгин – это «человек без свойств», деструктивный диагноз, причём диагноз уничижительный, будь то «самгинщина» как социальное явление или «экзистенциальный гамлетизм» как своеобразная мировоззренческая грань его психологического профиля (Жегалов, 1958). Однако, на наш взгляд, существует иная оптика, позволяющая увидеть в Климе не объект для тотального осуждения и острой критики, а субъекта страдания, чьё «полифоническое Я» есть не вина, а судьба. Эта оптика предложена шотландским психологом-экзистенциалистом Рональдом Дэвидом Лэнгом, одним из основателей антипсихиатрии. Он совершил переворот в понимании так называемых «асоциальных психических состояний», предложив не лечить пациентов путём изоляции от общества, помещая их в закрытые больницы, а разобраться в причинах их недуга через постижение внутреннего мира пациента: «После насильственной церемонии низвержения (постановки диагноза – автор), известной как психиатрическое освидетельствование, его лишают гражданских свобод, делая узником такого тотального института, как лечебница для “душевнобольных”. Здесь более основательно, более радикально, чем где бы то ни было в нашем обществе, личность лишается статуса человеческого существа» (Лэнг, 2005, с. 119). В своей главной работе «Расколотое Я» он отказался от объективирующего взгляда врача, который ставит диагноз «больному», и занял феноменологическую позицию. По мнению Лэнга, врач должен иногда уметь поставить себя на место пациента, а это означает задать себе фундаментальный вопрос: каково это – жить в мире, где каждый контакт с другим человеком ощущается как угроза собственного исчезновения: «Твёрдое ощущение собственной автономной индивидуальности требуется для того, чтобы можно было относиться к людям как одно человеческое бытие к другому. Иначе же любые взаимоотношения угрожают человеку потерей индивидуальности. Одну форму подобных беспокойств можно назвать поглощением» (1995, с. 39). Ответы психолога-экзистенциалиста поразительны по своей гуманности: «расколотое Я» – это не дефект и не болезнь в обычном смысле, а защитная стратегия личности. Это способ выживания для того, кто с самого раннего детства столкнулся с онтологической незащищённостью, с невозможностью быть собой без риска быть уничтоженным. Истинное Я при такой конфигурации не исчезает, а уходит в глубокое, недосягаемое убежище, а на поверхности возникает «ложное Я» – некая функциональная маска, позволяющая взаимодействовать с миром, но ценой полного отчуждения от собственных аутентичных чувств. Лэнг не осуждает эту маску, он её описывает, и в этом анализе звучит не уничижительная критика, а понимание этого феномена: «Система ложного “я” – рассадник параноидальных страхов, поскольку легко проследить, что система ложного “я”, которая расширилась, чтобы включить в себя все, и отрицается “я” как простое зеркало чуждой реальности (объект, вещь, машина, робот, мертвое), может рассматриваться как инородное присутствие или личность, овладевшая индивидуумом. Его “я” отказалось от участия в этом, система ложного “я” становится, по ощущениям, занятой врагом территорией, контролируемой и управляемой чуждыми, враждебными и разрушительными силами» (1995, с. 180). В рамках нашей работы будет применён концепт Р. Лэнга для анализа психологического профиля главного героя итогового романа М. Горького. Исходя из рамок данного концептуального ракурса, мы попытаемся увидеть в горьковском персонаже не социальную патологию «выродка», как его характеризовал купец Лютов в романе, а гипертрофированное, но достаточно узнаваемое отражение состояния, знакомого многим людям модернистской и постмодернистской эпох.

Рональд Лэнг начал свою карьеру как «ортодоксальный психиатр», но очень быстро пришёл к выводу, что традиционная психиатрия говорит о пациентах, но не с ними: «Противобезумная крепелиновская психиатрия – это точная копия “официального” психоза. Именно так, без всякой иронии» (2005, с. 137). Он понял, что диагнозы, которые ставит врач, достаточно часто являются актами стигматизации, навешиванием ярлыков, «практикой обезличивания», за которыми исчезает живой человек, трагическая личность пациента. В ответ на этот унифицирующий процесс он разработал экзистенциально-феноменологический подход, где главным становится не классификация симптомов, а понимание внутреннего мира пациента. Лэнг утверждал,

что то, что психиатры называют «онтологически неукоренённой личностью», на самом деле является особым способом бытия-в-мире. Это способ, при котором человек чувствует себя не в безопасности, а в постоянной опасности быть поглощённым, разрушенным, превращённым в вещь другим человеком. Лэнг вводит ключевое различие между онтологической безопасностью и онтологической неуверенностью. Человек с онтологической безопасностью (вариация нормы) ощущает себя реальным, твёрдым, имеющим границы, которые могут быть открыты для других, но не разрушены ими. Такой человек может любить, ненавидеть, сближаться, ссориться, полностью проявлять себя – и при этом его чувство собственной аутентичности не исчезает. Онтологически неуверенный человек, напротив, постоянно находится под угрозой. Ему кажется, что стоит другому посмотреть на него слишком пристально – и он потеряет субъектность, рассыплется, перестанет существовать: «Все попытки сосредоточены скорее на сохранении своего “я”. Это, как мы уже указывали, рискованное занятие: он подвержен боязни собственного исчезновения в “ничто”, в том, что Вильям Блэйк назвал “хаотичным небытием”. Его автономии угрожает поглощение. Ему приходится охранять себя от потери субъективности и ощущения собственной жизни» (Лэнг, 1995, с. 74). Лэнг подчёркивает, что эта неуверенность не является результатом слабости воли или недостатка воспитания. Она коренится в самых ранних отношениях, обычно в диаде «мать – ребёнок», где ребёнок не получил подтверждения своей реальности, не был принят как живой, чувствующий субъект. В результате такого травматического опыта отчуждения формируется психологическая структура, которую Лэнг называет «расколотым Я». Эта структура предполагает фундаментальный разрыв между двумя инстанциями. Первая – «истинное Я», которое остаётся подлинным, живым, чувствующим, но вынуждено уйти в глубокое экзистенциальное убежище, стать почти недосягаемым для внешнего мира. Вторая – «ложное Я», которое выходит на поверхность и взаимодействует с людьми и социумом, но делает это как робот, как актёр, как механическая кукла, лишь имитирующая жизнь, но не живущая в реальности. «Ложное Я» не является «плохим» или «фальшивым» в моральном смысле, это защитная конструкция, щит, который «истинное Я» воздвигает между собой и миром, чтобы выжить. Лэнг сравнивает это с осадным положением: истинное Я заперто в неприступной крепости, а ложное Я – это гарнизон на стенах, который ведёт переговоры с врагом. Важнейшее открытие Лэнга заключается в том, что «ложное Я» не обманывает самого субъекта – точнее, обманывает, но не полностью. Внутри всегда остаётся наблюдатель, который знает, что всё это игра. Этот наблюдатель – ещё одна инстанция расколотого Я – которая непрерывно комментирует, оценивает, фиксирует фальшь. Лэнг пишет о мучительном опыте быть одновременно актёром и зрителем в собственном театре, не имея возможности покинуть ни сцену, ни зрительный зал. Именно это состояние психолог-экзистенциалист называет «метанойей без перехода» – знанием о своей фальши, которое не ведёт к преображению, потому что преобразиться некому: «Он (пациент – автор) говорит, что он нереален и находится вне реальности, что он не совсем жив. Экзистенциально он совершенно прав. “Я” предельно знает само себя и наблюдает за ложным “я”, как правило, весьма критично» (Лэнг, 1995, с. 70).

Нам представляется, что применение данной теории к литературному персонажу требует краткого обоснования. М. Горький писал свой роман в 1925-1936 годах, за четверть века до Лэнга, и не мог знать его работ. Однако художественная антропология русского писателя в «Жизни Клима Самгина» демонстрирует поразительную интуитивную близость к лэнговским идеям (Савинкова, 2023; Лесевицкий, 2024). В отличие от своих ранних романтических героев (Данко, Челкаш) или монументальных персонажей пьес (Булычов), Горький создаёт здесь фигуру, лишённую целостности внутреннего Я. Но эта «полифоничность сознания» не изображена как порок или недостаток – она показана изнутри, с удивительным вниманием к нюансам самоощущения, с элементами глубочайшего самонаблюдения. Читатель видит мир глазами Самгина, анализирует его внутренний полифонический диалог, и это многоголосье не вызывает психологического отчуждения, а скорее смутное беспокойство. Горький смог предвосхитить и зафиксировать то, что позднее назовут «кризисом субъекта» – утрату наивной веры в собственное «я» как нечто самоочевидное (Лесевицкий, 2023). В этом смысле он предвосхитил не только Лэнга, но и некоторые работы экзистенциалистов XX века с их тезисом о том, что существование предшествует сущности, а «я» – это не данность, а задача ответственного «жизненного проектирования» (Ж.-П. Сартр). На наш взгляд, традиционные трактовки Самгина, как советские, так и некоторые постсоветские, «грешат» излишним морализаторством, излишним осуждением героя. Главное действующее лицо романа очень часто упрекают в том, что он не участвует в политической борьбе, не выбирает, не верит, не чувствует, не любит, – но эти упрёки исходят из гипотезы, что Клим обладает свободой воли, которой он, подобно Обломову, просто не пользуется, что он обладает монолитным «Я-конструктом». Лэнг в своей фундаментальной работе показал, что в ситуации онтологической неуверенности действие, выбор, вера, любовь – это не возможные экзистенциальные стратегии, а непозволительная роскошь, риск, на который «расколотое Я» не может пойти, потому что ставкой в этой игре является само существование индивида: «Подобные “признаки” быстро проявляются у личности, предел основополагающей безопасности которой столь низок, что практически любые отношения с другими, какими бы незначительными или явно “безвредными” они ни были, угрожают её погубить» (1995, с. 39). По этой причине мы будем описывать Самгина не как носителя «самгинщины», некоего негативного социального и психологического явления, а как человека, который с раннего детства учился выживать в мире, где быть собой было опасно. Его холодность, его отчуждённая наблюдательность, его онтологическая отстранённость – это не личностные недостатки, а «психологические доспехи», которые он надел, чтобы не быть окончательно раздавленным универсумом.

Онтологическая неуверенность, согласно концепции Р. Лэнга, коренится не в каком-либо конкретном страхе, а в самом факте существования индивида как таковом. Для личности с нерасколотым Я-конструктом

вопрос о границах собственного бытия представляет собой отвлечённую философскую проблему. Для онтологически неуверенного индивида этот вопрос становится каждодневной экзистенциальной реальностью. Клим Самгин, как показано Горьким с первых страниц романа, существует именно в этом модусе. Главный герой романа размышляет: «Едва ли даже ты ищешь самозабвения. Под всею путаницей твоих размышлений скрыто живёт страх пред жизнью, детский страх темноты, которую ты не можешь, не в силах осветить» (Горький, 1979c, с. 154). Лэнг отмечал, что у детей с формирующейся шизоидной структурой психики родители зачастую не выполняют функцию адекватного «зеркального отражения». Эмоции ребёнка не находят подтверждения, его переживания не вербализуются, его «Я» не признаётся в качестве самостоятельной ценности. Вместо этого ребёнок получает набор инструкций, регламентирующих внешнее поведение: «Вопрос не в том, насколько хорош или насколько испорчен ребенок, а в том, развивает ли ребенок ощущение того, что он есть начало собственных действий, что он – источник, из которого возникают его действия» (Лэнг, 1995, с. 201). Буквально в контексте лэнговских размышлений о формировании «расколотого Я» Горький описывает в романе, как родители Клима показывают своим знакомым и родственникам сына как своеобразную уникальную игрушку (куклу), лишённую свободы воли (Гавриш, 2018a). Мальчику с детства внушали, что он обладает выдающимися способностями, может сказать новое слово в области науки, политической практики, занять пост министра или редактора крупной газеты. Но никто не спросил Самгина, желает ли он сам избрать подобные «онтологические проекты»: «Клим тотчас почувствовал себя в знакомом, но усиленно тяжком положении человека, обязанного быть таким, каким его хотят видеть» (Горький, 1979a, с. 51). Эта ранняя детская травма, квалифицируемая Лэнгом как своеобразная «неудача в зеркальном отражении», приводит к утрате ребёнком доверия к собственным эмоциям и желаниям, бытийственным стратегиям. Клим начинает подозревать, что его внутренние состояния либо неправильны, либо несущественны, либо вовсе отсутствуют. В ответ на это внешнее давление он формирует стратегию наблюдения за собой, пытаясь реконструировать, какое чувство было бы уместно в той или иной ситуации.

Самгин не столько живёт, сколько отчитывается о жизни перед невидимым судьёй, и этим судьёй является он сам, но не как целостное Я, а как расщеплённая наблюдающая психосфера. Лэнг писал, что онтологически неуверенный человек часто испытывает трудности с «физической воплощённостью»: его тело не воспринимается как «своё», оно кажется чужим, механическим, непослушным. Самгин краснеет не от стыда, а от досады на тело, которое выдало его фальшь, продемонстрировав другим то, что он хотел бы скрыть. Он не способен виртуозно управлять своей мимикой, интонациями, жестами спонтанно, поскольку каждое его движение представляет собой не непроизвольный акт, а сознательный акт, требующий планирования и исполнения. Особенно отчётливо это проявляется в сценах, где Самгин оказывается в гимназии, толпе, на многолюдном митинге, на празднике (ходынская драма) – в любой ситуации, где другие индивиды расслабляются и утрачивают контроль, становясь «частью целого». Для Самгина, напротив, такие ситуации являются источником панического ужаса, поскольку в толпе стираются индивидуальные границы и исчезает дистанция между людьми. Горький так описывает юношеские переживания Клима, его отчуждение от социума как элемент психологической защиты: «Клим решил говорить возможно меньше и держаться в стороне от бешеного стада маленьких извергов. Их назойливое любопытство было безжалостно, и первые дни Клим видел себя пойманной птицей, у которой выщипывают перья, прежде чем свернуть ей шею. Он чувствовал опасность потерять себя среди однообразных мальчиков; почти неразличимые, они всасывали его, стремились сделать незаметной частицей своей массы. Тогда, испуганный этим, он спрятался под защиту скуки, окутав ею себя, как облаком. Он ходил солидной походкой, заложив руки за спину, как Томилин, имея вид мальчика, который занят чем-то очень серьезным и далеким от шалостей и буйных игр» (1979a, с. 52).

Персонаж, не имеющий прочных внутренних границ, ощущает онтологическую угрозу поглощения со стороны обезличенного окружения. Лэнг квалифицировал бы это состояние как «экзистенциальный страх быть захваченным врасплох Другим» – страх утраты контроля над способом собственной презентации, над тем, как индивид воспринимается другими. Именно этим объясняется привязанность Самгина к позиции «отстранённого фиксатора бытия», когда появляется возможность безучастно наблюдать за жизнью, не участвуя в ней активно и не рискуя быть поглощённым. Неэмоциональная регистрация экзистенции выполнит для него функцию онтологической границы, линии обороны, за которой он находится в относительной безопасности. Стоит заметить, что некоторые персонажи догадываются о подобной специфике внутреннего полифонического раскола психологической сферы Самгина. Купец Лютов в одном из диалогов произносит: «– Ты хладнокровно, без сострадания ведешь какой-то подсчет страданиям людским, как математик, немец, бухгалтер, актив-пассив, и чорт тебя возьми! <…>

– Вот как он видит меня, – подумал Самгин с удивлением, которое было неприятно только потому, что Лютов крепко сжал его шею. <…>

И, яростно размахивая руками, он спросил, почему-то шепотом:

– С какой крыши смотришь ты на людей? Почему – с крыши?» (Горький, 1979b, с. 116). Данное отчуждение, которым столь обеспокоен купец Лютов, обусловлено, по Лэнгу, тем, что взгляд на универсум «с крыши» способен трансформироваться в безопасное зрелище, в театральную сцену, обезличенный симулякр, доступный холодному прагматическому анализу и не требующий личного участия. Данная трансформация мира в «объект для наблюдения» представляет собой для Самгина единственный способ сохранения остатков собственного аутентичного «Я» и предотвращения его растворения в потоке чужих экзистенциальных дискурсов, жизненных и мировоззренческих проектов, то есть окончательного помрачения рассудка. Самгин размышляет:

«Унизительно и страшно катиться темненькой, безличной икринкой по общей для всех дороге к неустранимой гибели. Он еще не бежит с толпою, он в стороне от нее, но вот ему уже кажется, что люди всасывают его в свою гущу и влекут за собой. <…> В такие часы Самгин ощущал, что его наполняет и раздувает ветер унылой злости на всех людей и даже – немного – на себя самого» (Горький, 1979b, с. 105).

Поэтому Самгин совершает единственное доступное ему действие – он переводит любую экзистенциальную трагедию бытия в режим отстранённого наблюдения, анализа, комментария (Кнорре, 2025). Он размышляет о том, как он будет рассказывать об этом событии, какие слова выберет, какой эффект произведёт его речь. В этом, по нашему мнению, нет цинизма, как утверждалось в советской историографии, ибо это механизм психологического самоисцеления. Это единственный способ не сойти с ума от ужаса, который обрушился на него вместе с попыткой участвовать в «социальной жизни». Лэнг назвал бы это «диссоциацией как защитой от травмы» – расщеплением переживания на две части: одну, которая как бы продолжает функционировать в реальности, и другую, которая уходит в глубокий пласт подсознания, чтобы не быть уничтоженной окончательно. В этом смысле Самгин не является «плохим» человеком в моральном измерении, он является сломленным человеком, с довольно специфическим набором психологических черт, непонятным среднестатистическому индивиду.

Некоторые советские литературоведы склонны испытывать раздражение по отношению к этой позиции извечного стороннего наблюдателя: «Жизнь Клима Ивановича Самгина раскрыта Горьким как жизнь человека, постоянно находящегося в процессе довольно напряжённых, довольно мучительных исканий, но не способного что-либо найти, не способного до конца самоопределиться, достигнуть внутренней устойчивости и занять твёрдую позицию в великих битвах своего времени» (Жегалов, 1958, с. 12). Однако Лэнг призывает к пониманию того, что подобная стратегия является защитной. Если бы каждое появление в обществе было для индивида риском исчезновения, а каждый разговор грозил бы обнажением внутренней пустоты, то укрытие за «окном» стало бы единственным рациональным выбором. Самгин не является трусом в моральном смысле – он защищается, и его защита имеет под собой реальные, а не вымышленные основания. Главный герой произведения ощущает фундаментальный разлад между своим внутренним миром и универсумом, который необходимо учитывать: «Уродливость быта и капризная разнузданность психики объясняли Самгину его раздор с действительностью» (Горький, 1979c, с. 288). Мир для него действительно опасен, поскольку он не обладает той «онтологической бронёй», которой от рождения наделены «нормальные» индивиды. Горький, создавая этого героя, проявляет понимание данной психологической динамики: он не высмеивает и не осуждает прямо страхи Самгина, а объективно изображает их, и в этом отображении обнаруживаются некоторые элементы сострадания и понимания.

При анализе конститутивного раскола необходимо сделать важное уточнение, которое часто упускается критиками Самгина, например, в советской историографии: «В самгинской психологии, как мы видим, много ущербного, мутного, упадочного. Самгин психологически тяготеет к типу декадента; самгинская душа представляет собой благодарную почву для восприятия декадентских идей и настроений» (Жегалов, 1958, с. 18). «Ложное Я», демонстрируемое персонажем миру, не является сознательной симуляцией, лицемерием или актёрством в морально осуждаемом смысле. Данный феномен представляет собой защитный механизм, формирующийся в раннем детстве и становящийся автоматическим, бессознательным, неподвластным волевому контролю. Самгин не выбирает быть фальшивым – ибо он обречён на фальшь, поскольку его истинное Я, подлинный центр личности, было вынуждено уйти в глубокое «психологическое подполье». Горький фиксирует этот драматический процесс через постоянные внутренние диалоги Самгина, составляющие значительную часть общего текста романа.

Клим Иванович никогда не мыслит спонтанно; он всегда мыслит о том, что он мыслит, и немедленно оценивает, насколько его мысли соответствуют ситуации, насколько они «правильны», «своевременны», «умны». Эта мета-позиция, это наблюдение за наблюдением, не является признаком интеллектуальной изощрённости, неустанного внутреннего диалога, как иногда предполагается, а представляет собой признак глубочайшей онтологической незащищённости. Самгин не может позволить себе спонтанной мысли, поскольку любая спонтанность несёт риск обнаружения подлинной, но небезопасной сущности, вызывающей страх. В своей главной книге Лэнг называл это состояние «гиперрефлексией» – болезненным, избыточным самосознанием, которое парализует волю и трансформирует жизнь в бесконечный отчёт перед внутренним аудитором. Горький пишет: «Минутами Самгину казалось, что его вместилище впечатлений – то, что называют душой, – засорено этими мудрствованиями и всем, что он знал, видел, – засорено на всю жизнь и так, что он уже не может ничего воспринимать извне, а должен только разматывать тугой клубок пережитого» (1979a, с. 371). При этом Клим, подобно любому индивиду с расколотым Я, способен на внешне правильные, даже социально одобряемые поступки. Он может оказать помощь женщине, поддержать товарища, произнести интеллектуально насыщенную и глубокую речь, но все эти действия совершаются «как будто», с внутренним зазором, с ощущением, что они исходят не от него самого, а от некоего иного агента. Лэнг описывает это состояние как «деавтономизацию действия»: поступок совершается, но не переживается как свой, как исходящий из центра личности. Горький блестяще показывает в своём итоговом произведении «полифоническое Я» героя, его личность является обладательницей множества «ложных масок», которые он попеременно презентует окружающим. Одна из таких «ложных моделей Я» – это своеобразная маска человека, сочувствующего революционным идеям. Он выполняет некоторые незначительные поручения большевиков, в частности, рабочего Кутузова, принимает его у себя дома, общается с некоторыми представителями «революционного подполья». Но всё это, на наш взгляд, происходит машинально, в самом Самгине нет пассионарной вовлечённости в революционную борьбу, а есть лишь её достаточно талантливая имитация, попытка соответствовать

некоему «духу времени», соответствовать определённым «социальным тенденциям» некоторой части интеллигенции России начала века. Совершенно очевидно, что «подлинное Я» Самгина входит в глубочайшее противоречие с его «ложным Я», которое имитирует некую вовлечённость в революционную деятельность. В очередном внутреннем диалоге Самгин размышляет: «Ты исполняешь поручение группы людей, которые мечтают о социальной революции. Тебе вообще никаких революций не нужно, и ты не веришь в необходимость революции социальной. Что может быть нелепее, смешнее атеиста, который ходит в церковь и причащается?» (Горький, 1979c, с. 153). По Лэнгу, личность с онтологической неуверенностью стремится защитить своё «подлинное Я» множеством «ложных Я-конструктов», достаточно искусно имитируя свою социальную деятельность: «В обоих случаях – и в других, описанных повсюду, – душевное здоровье, то есть внешне “нормальный” облик, одежда, моторное и вербальное поведение (всё наблюдаемое) поддерживались системой ложного “я”, в то время как “я” становилось всё более и более вовлечённым не в мир, каков он есть, а в мир, каким его видит “я”» (1995, с. 158). Для настоящего внутреннего мира Самгина нет самой категории революционной борьбы, ибо она пронизана абсурдной деятельностью, лишённой смысла.

Наиболее мучительным аспектом данного психологического состояния является то, что «ложное Я» не может быть отброшено простым волевым усилием. Оно срастается с личностью, становится её «презентуемым лицом», и попытка снять эту маску приводит не к обнаружению «подлинного Я», а к переживанию пустоты, панике, ужасу перед тем, что под психологической маской ничего нет, ибо у онтологически неуверенной личности аутентичное Я сокрыто чрезвычайно глубоко. На наш взгляд, Горький задолго до работ Лэнга описал персонажа с «расколотым Я». Рассмотрим, каким образом автор «Жизни Клима Самгина» анализирует «пустотность» внутреннего мира главного героя, состоящего из огромного количества «ложных Я-конструктов», презентуемых окружающему: «Он чувствовал, что в нем кружится медленный вихрь различных мнений, идей, теорий, но этот вихрь только расслабляет его, ничего не давая, не всасываясь в душу, в разум. Иногда его уже страшило это ощущение самого себя как пустоты, в которой непрерывно кипят слова и мысли, – кипят, но не согревают» (Горький, 1979a, с. 306). Что именно страшит Самгина? Его беспокоит не противоречивость идей внутреннего полифонического диалога, а сам факт, что за этим вихрем мнений и концептов «нет ничего», отсутствует целостное Я. Это классический лэнговский ужас перед собственным «не-существованием», скрытым за множеством репрезентуемых ложных масок. Пустота так страшна не потому, что она способна убить (хотя для шизоидной личности это реальное опасение), а потому что она указывает на отсутствие самого Самгина как аутентичной личности: «Но такая пустота есть именно он. Хотя в других случаях он стремится к тому, чтобы эта пустота заполнилась, он боится, что это, возможно, произойдёт, поскольку он стал чувствовать, что всё, чем он может быть, это жуткое ничто этого самого вакуума» (Лэнг, 1995, с. 41). Клим – «пустота, в которой кипят слова», но он же и наблюдает за этим процессом. Возникает классический лэнговский раскол сознания, столь точно описанный Горьким в своём романе-завещании задолго до появления книги «Расколотое Я».

Изнутри, из глубины убежища, истинное Я существует, но оно настолько запугано и травмировано, что не решается подать голос. Задача психологической терапии, по Лэнгу, заключается не в разрушении «ложного Я» (что было бы равносильно уничтожению и без того хрупкой личности), а в постепенном и осторожном предоставлении «истинному Я» возможности проявиться.

Горький в художественном универсуме романа не даёт Самгину такой возможности, но он и не критикует его «ложное Я», воздерживается от морального осуждения, умело дистанцируется от позиции назидания и поучения. Писатель показывает его изнутри, с той долей сочувствия, которая доступна великому художнику, понимающему сложную природу психологического мира личности. Особенно отчётливо это видно в знаменитых сценах «самолюбования» Клима, которые обычно интерпретируются как проявление нарциссизма. Проследим, как Горький описывает, как Самгин наблюдает за своим отражением в зеркале: «Он знал, что это лицо – сухое, мимически бедное, малоподвижное, каковы почти всегда лица близоруких, но он всё чаще видел его внушительным лицом свободного мыслителя, который сосредоточен на изучении своей духовной жизни, на работе своего я. Он снял очки и, почти касаясь лбом стекла, погладил пальцем седоватые волосы висков, покрутил бородку, показал себе жёлтые мелкие зубы, закопчённые дымом табака» (1979d, с. 220). С лэнговской точки зрения, это не нарциссизм и не самолюбование, а отчаянная попытка подтвердить собственную реальность. Самгин подходит к зеркалу не потому, что любуется собой, а потому что опасается собственного несуществования. Он всматривается в своё отражение, ищет в нём подтверждение, что он всё ещё экзистирует, что его визуальный образ не распался на фрагменты.

Обнаружив некую обезличенную фальшивость («маскообразность») лица, он подтверждает своё очередное самонаблюдение: он фальшив, но он это знает, а значит, существует. Данное парадоксальное самоутверждение через негатив, через признание собственной визуальности, является, по Лэнгу, одним из ключевых механизмов выживания расколотого Я. Оно позволяет индивиду сохранять минимальное чувство идентичности, хотя бы слабую связь с самим собой. Без этого парадоксального хода личность распалась бы окончательно, наступило бы то, что Лэнг называет «психотической декомпенсацией» – полный крах «ложного Я» без возможности укрыться в истинном.

Самгин не достигает окончательного помрачения рассудка, он удерживается, балансирует, и эта способность балансировать на грани заслуживает не жестокого порицания, а понимания. Горький не случайно делает его наблюдателем, который никогда не теряет самообладание, не впадает в бесповоротное безумие, не совершает самоубийства (в отличие от Лютова). Самгин выживает, и его выживание – это не признак трусости

и приспособленчества, а свидетельство огромной, хотя и невидимой окружающими, внутренней работы по удержанию себя в экзистенции. Это усилие остаётся невидимым, поскольку он умело скрывает его под маской скуки или цинизма, перманентного самоанализа, непроходимой стены скептицизма и мизантропии: «В огромном большинстве люди – это невежды, поглощенные простецким делом питания, размножения и накопления собственности» (Горький, 1979d, с. 154). Лэнг, однако, учит смотреть сквозь маску, видеть за ней ту боль, которую Самгин никогда не высказывает вслух, поскольку вербализация этой боли означала бы утрату последней защиты.

Фальсификация психологического аффекта, столь часто вменяемая в вину Самгину, на самом деле является его единственным способом оставаться в контакте с миром, не будучи им раздавленным. Он не может позволить себе искренней радости, поскольку радость требует открытости, а открытость для него смертельно опасна. Он не может позволить себе искреннего горя, поскольку горе требует уязвимости, а уязвимость представляет собой канал, через который другой может вторгнуться и уничтожить его: «Неужели я эмоционально так беден, что останусь на всю жизнь таким, каков есть?» (Горький, 1979d, с. 321). Поэтому он «примеряет» чувства, подобно тому как примеряют одежду, и носит их ровно столько, сколько требуется по этикету, а затем аккуратно снимает и откладывает. В этом нет лицемерия – это тактика и стратегия выживания (Бедрикова, 2020). Самгин избегает подлинной близости не потому, что он эгоист или мизантроп, а потому что межличностная близость для него онтологически опасна.

В советской историографии часто звучал упрёк в адрес Самгина, в котором его обвиняли в неспособности любить, утверждалось, что тайна этого великого чувства незнакома главному герою последнего романа Горького: «Отношение Самгина к женщинам имеет важное значение и в окончательной редакции, раскрывая пустоту души этого индивидуалиста, глубоко равнодушного к самым близким людям, занятого даже в моменты любовных увлечений лишь переживаниями собственного “я”» (Бялик, 1973, с. 293). Но в свете психологической теории Лэнга данная проблема предстаёт несколько в ином свете. По мнению шотландского учёного, у личности с чертами онтологической неуверенности существует предубеждение, что она способна разрушить внутренний мир другой личности, представляет для других серьёзную опасность в рамках межличностной коммуникации: «Он считает собственную любовь и любовь других такой же разрушительной, как и ненависть. Любовь по отношению к нему пугает его «я»; но его любовь равным образом опасна для кого угодно» (Лэнг, 1995, с. 94).

Женщины, которым он не безразличен, – Лидия Варавка, супруга, Нехаева, певица Дуняша – каждая по-своему пытаются преодолеть его самоотчуждение, обусловленное страхом, с одной стороны, разрушения остатков собственного аутентичного Я-конструкта, с другой стороны, потенциальной опасностью распада внутреннего мира иной личности. В каждом таком случае Самгин отступает, поскольку их любовь требует от него ответной любви, а любовь представляет собой именно то, чего он не может дать, не разрушив свою хрупкую защитную конструкцию: «Подходя к дому, Клим Самгин уже успел убедить себя, что опыт с Нехаевой кончен, пружина, действующая в ней, – болезнь» (Горький, 1979a, с. 214). Лэнг назвал бы это «страхом быть пойманным на существовании»: если персонаж ответит на это чувство, он должен будет признать факт собственного существования, свою способность любить. Но признать это – значит снять маску, выйти из убежища, стать уязвимым. Для человека, с детства усвоившего, что мир опасен, уязвимость является непозволительной роскошью. Поэтому Самгин выбирает стратегию, которую Лэнг описывает как «уход в фантазию» или «уход в наблюдение».

Антиномичные отношения с мужчинами – Кутузовым, Дроновым, Макаровым, Лютовым – строятся на несколько сходной модели, но с одним существенным отличием. Здесь Самгин сталкивается не с требованием любви, а с требованием действия, аутентичного выбора, участия в историческом процессе. Кутузов и Дронов принадлежат к типу «людей дела», они не поражены «экзистенциальным гамлетизмом», участвуют в бурной динамике политического макрокосма. Они обладают той целостностью психики, которой Самгин не имеет и не может иметь. Клим не может им этого простить – не потому, что он завистлив, а потому что их «гомогенное Я» служит живым укором его собственной психологической фрагментированности: «Он завидовал Кутузову, который научился веровать и спокойно проповедует верования свои» (Горький, 1979a, с. 204). Каждый раз, глядя на большевика, Самгин видит, кем он мог бы быть, если бы его детский опыт сложился иначе, если бы мать Клима обеспечила правильное психологическое «зеркальное отражение», если бы мир не был для него столь опасным с самого начала: «Клим огорчённо чувствовал, что Кутузов слишком легко расшатывает его уверенность в себе, что этот человек насилует его, заставляя соглашаться с выводами, против которых он, Клим Самгин, мог бы возразить только словами: “Не хочу”» (Горький, 1979a, с. 218). Лэнг назвал бы это «завистью к нормативному бытию», к самому факту существования другого как целостной, укоренённой, не расколотой неразрешимыми антиномиями уверенной в себе личности.

Однако эта зависть не имеет отношения к моральному пороку; она представляет собой закономерную реакцию индивида, лишённого того, что другому дано от рождения. Самгин не выбирал свою онтологическую неуверенность. То, что он, глядя на Кутузова, испытывает смесь восхищения и ненависти, делает его не деструктивным персонажем, а страдальцем, который видит перед собой многообразные примеры недоступного ему психологического состояния «среднестатистической нормы». Стоит заметить, что Самгин видит эту психологическую целостность личности, отсутствие «перманентной саморефлексии», не только у Кутузова, но и у Марины Зотовой, которой симпатизирует: «Он продумал за двадцать лет огромную полосу жизни, пережил множество разнообразных впечатлений, видел людей и прочитал книг, конечно, больше, чем она; но он не достиг той уверенности суждений, того внутреннего равновесия, которыми, очевидно, обладает эта большая, сытая баба» (Горький, 1979c, с. 165).

С другой стороны, «экзистенциальный гамлетизм» Самгина, его извечная борьба разнонаправленных волевых импульсов в его «амбивалентном Я» в определённых обстоятельствах является своеобразным «конкурентным

преимуществом» по сравнению с рабочим Кутузовым. Горький рельефно показывает ежедневную изнуряющую борьбу тезиса и антитезиса в сознании Клима, не находящую нивелирования в синтезе, когда в рамках одной личности сочетаются радикально антагонистические бытийственные стратегии консерватора и революционера, демократа и аристократа. Из этого перманентного внутреннего полифонического диалога в сознании Самгина невозможно выйти, он не устраним. Более того, «экзистенциальный гамлетизм» персонажа индуцирует и невозможность аутентичной деятельности, порождая лишь её имитацию. Как можно что-либо предпринимать, когда Клим переживает тяжелейшую борьбу разнонаправленных волевых импульсов в своём сознании? В данных обстоятельствах, по нашему мнению, возможно лишь меланхоличное безучастное наблюдение за действительностью, но не пассионарная активность личности, которую демонстрирует большевик Кутузов.

Но именно в этом осторожном дистанцировании от действительности, извечном внутреннем диалоге и онтологической неуверенности содержится огромный этический потенциал. Поясним наш тезис. Абсолютно очевидно, что рабочий Кутузов обладает «монологическим сознанием», его психосфера не расколота на множество независимых друг от друга частей, она не знает всей драмы сомнения и онтологической неуверенности. Но именно это обстоятельство делает революционера заложником фанатизма, способным ради великой цели избрать разрушительные и антигуманные средства её достижения: «Рука твердо убежденного в своей правоте человека тянется к кинжалу; горящие глаза предвещают убийство. Никогда никому не был опасен колеблющийся, пораженный гамлетизмом дух: злое начало обитает в напряжении воли, в неспособности к квиетизму, в прометеевой мании величия племени, пламенеющего идеалами, переполняемого убеждениями, которое, начав глумиться над сомнением и ленью – пороками более благородными, чем все его добродетели, – вступает на путь погибели, вступает в историю, эту неприличную смесь пошлости и апокалипсиса» (Чоран, 2003, с. 15).

Более того, в советской литературоведческой историографии принято упрекать Самгина в безволии и бесчувственности, определенном безразличии к людям: «Здесь же он ищет оправдание своему скептическому, недоброжелательному, а к концу жизни прямо-таки враждебному отношению к людям» (Овчаренко, 1986, с. 299). Но нам представляется, что и для большевика Кутузова, и для подобных ему тоже не существует живого человека; благодаря отсутствию «расколотого Я», извечной борьбы доводов «за» и «против», рабочий готов, отринув любой «экзистенциальный гамлетизм», оправдать жесточайшее революционное насилие, на которое абсолютно не способен вечно сомневающийся Самгин. Кутузов в диалоге с главным героем книги достаточно холодно произносит: «– Революция – не завтра, – ответил Кутузов, глядя на самовар с явным вожделением, вытирая бороду салфеткой. – До нее некоторые, наверное, превратятся в людей, способных на что-нибудь дельное, а большинство – думать надо – будет пассивно или активно сопротивляться революции и на этом – погибнет. – Просто у вас все, – сказала Варвара, как будто одобрительно, Самгин, нахмурясь, пробормотал: – Ну, это не очень просто. – А – как же? – спросил Кутузов, усмехаясь. – В революции, – подразумеваю социальную, – логический закон исключенного третьего будет действовать беспощадно: да или нет» (Горький, 1979b, с. 415).

Поэтому в оптике психологической теории Лэнга мы не можем упрекнуть в чём-либо онтологически неуверенную личность, ибо в этой неуверенности коренится вечное сомнение, индуцирующее мудрость рефлектирующей невовлечённости. Самгин утверждает, что никакая великая идея социализма не стоит огромных жертв деструктивной динамики исторического процесса начала XX века: «В наши дни баранов не приносят в жертву Богу, с них стригут шерсть или шьют из овчины полушубки. Но к старым идолам добавлен новый – рабочий класс, и вера в неизбежность человеческих жертвоприношений продолжает существовать» (Горький, 1979d, с. 293). Самгиным прекрасно осознаны ложные идеологические пустоты данной политической идеологии (Лесевицкий, 2024).

Важным феноменом, рассмотренным в книге Лэнга, является анализ скрытого значения снов у онтологически неукоренённой личности: «Сновидения, в которых выражается та или иная форма описанного выше страха, достаточно обычны у подобных личностей» (1995, с. 45). Стоит заметить, что Горький задолго до работ шотландского психолога описывает специфические сновидения Самгина, в которых проблема «расколотого Я» в психике главного персонажа поставлена с предельной остротой. Позволим себе достаточно объёмную цитату: «Этот ночной парад воспоминаний превратился в тяжёлый кошмар. С бурной быстротой, возможной только в сновидениях, Самгин увидел себя на безлюдной, избитой дороге среди двух рядов старых берёз, – рядом с ним шагал ещё один Клим Самгин. День был солнечный, солнце жарко грело спину, но ни сам Клим, ни двойник его, ни деревья не имели тени, и это было очень тревожно. Двойник молчал, толкая Самгина плечом в ямы и рытвины дороги, толкая на деревья, – он так мешал идти, что Клим тоже толкнул его; тогда он свалился под ноги Клима, обнял их и дико закричал… Самгин высоко поднял его и швырнул прочь, на землю, – он разбился на куски, и тотчас вокруг Самгина размножились десятки фигур, совершенно подобных ему; они окружили его, стремительно побежали вместе с ним, и хотя все были невесомы, проницаемы, как тени, но страшно теснили его, толкали, сбивая с дороги, гнали вперёд, – их становилось всё больше, все они были горячие, и Самгин задыхался в их безмолвной, бесшумной толпе» (1979d, с. 380-381).

Представленный фрагмент является классическим примером шизоидного сновидения, в котором с пугающей наглядностью воплощаются ключевые положения теории Р. Д. Лэнга о расщеплении личности, онтологической неуверенности и утрате подлинного «Я». Рассмотрим последовательно элементы сна главного героя романа в соотнесении с психологическими категориями Лэнга. С самого начала сна Самгин сталкивается со своим двойником: «рядом с ним шагал ещё один Клим Самгин». Это не просто отражение, а самостоятельная фигура, которая ведёт себя агрессивно – толкает героя, мешает идти. Лэнг описывает шизоидное состояние как «расщепление эго», при котором «я» отделяется от своего опыта и тела. Одна часть личности (двойник) начинает действовать автономно, враждебно по отношению к другой. Самгин воспринимает двойника как нечто одновременно

тождественное себе и чуждое – характерное переживание «не-я» внутри самого себя. Особенно тревожной деталью является отсутствие теней: «ни сам Клим, ни двойник его, ни деревья не имели тени». В символическом языке бессознательного тень часто означает связь с реальностью, материальность, присутствие в мире. Её отсутствие указывает на то, что происходящее лишено онтологической основы – это мир фантазии, где «я» не может найти опоры. Лэнг пишет о «феноменологическом распаде мира» у шизоидной личности, когда привычные координаты пространства, времени и причинности теряют свою надёжность. Без теней нет и убедительной трёхмерности, нет укоренённости в физическом мире.

Когда Самгин поднимает двойника, он чувствует, что тот «как тень, не имеет веса». Это прямое указание на то, что Лэнг называет «ложным Я» – поверхностной, приспособленческой структурой, которая лишена внутренней субстанции. Истинное Я (подлинный Самгин) воспринимает себя как имеющее вес, реальность, тогда как двойник – всего лишь пустая оболочка, имитация. Однако парадокс в том, что герой не может просто отбросить эту пустоту: она прилипает, множится, заполняет всё пространство. Разбив двойника, Самгин вызывает лавинообразное появление множества его копий: «размножились десятки фигур, совершенно подобных ему». Это напоминает лэнговское описание «шизоидной множественности», где расщепление порождает бесконечное число фрагментов личности, каждый из которых требует признания. Они «невесомы, проницаемы, как тени», но их количество создаёт невыносимое давление. Так ложные «Я» не просто существуют, а начинают доминировать, захватывать жизненное пространство, теснить истинное «Я». Самгин пытается активно сопротивляться: «отбрасывал их от себя, мял, разрывал руками». Однако уничтожение одного ведёт к умножению других. «Люди лопались в его руках, как мыльные пузыри» – метафора, идеально передающая лэнговскую мысль о том, что ложное «Я» не имеет реальной субстанции, но от него невозможно избавиться, так как оно является неотъемлемой частью структуры психики. Мгновенный «успех» (видение себя победителем) сменяется ещё более массовым нашествием. Это напоминает описанный Лэнгом порочный круг: попытка отгородиться от ложных идентификаций лишь усиливает их давление. Финал сна разворачивается в «пространстве, лишённом теней», под «дымчатым небом». Это образ мира, в котором рухнули привычные законы физики и логики, мир чистого внутреннего переживания, где действуют иные, пугающие правила. Такое пространство Лэнг назвал бы «онтологически неуверенным» – оно не подтверждает существование субъекта, не даёт ему зеркала, в котором он мог бы увидеть себя. Кульминацией ночного кошмара становится чувство удушья: «Самгин задыхался в их безмолвной, бесшумной толпе». Это прямое телесное ощущение соответствует лэнговскому описанию шизоидного ужаса – страха быть поглощённым, растворённым, потерять границы собственного «Я». Безмолвие двойников подчёркивает их нечеловеческую, автоматизированную природу. Нам представляется, что сновидение Самгина – блестящая художественная иллюстрация ключевых тем лэнговского «расколотого Я»: расщепление на истинное и ложное «Я», утрата онтологической укоренённости, множественность ложных идентификаций и страх поглощения. Горький, не знакомый с работами Лэнга, с поразительной точностью запечатлел в художественной форме ту самую структуру переживания, которую шотландский психолог описал десятилетия спустя.

Заключение

Проведённое исследование позволило достичь поставленной цели и решить следующие задачи. В соответствии с первой задачей обоснована правомерность применения концепции Р. Д. Лэнга к анализу образа Клима Самгина. Показано, что психологическая структура героя – его онтологическая неуверенность, страх поглощения, расщепление на «истинное» и «ложное» Я – типологически совпадает с лэнговским описанием онтологически неуверенной личности, что позволяет увидеть в Самгине не патологию, а защитную стратегию выживания в условиях ранней детской травмы и отчужденного социального окружения.

Решение второй задачи продемонстрировало, что онтологическая неуверенность Самгина формируется с детства под воздействием семейной среды, где его чувства и желания не получали адекватного «зеркального отражения». Это привело к утрате доверия к собственным эмоциям и формированию стратегии отстранённого наблюдения за собой и миром. Страх поглощения толпой, «обезличенной массой» становится доминирующим экзистенциалом для героя.

В рамках третьей задачи проанализирован механизм формирования «ложного Я» Самгина. Доказано, что его внешняя социальная активность (имитация участия в революционной деятельности, исполнение общественных ролей, поддержание светских бесед) является не лицемерием, а вынужденной защитной маской, за которой скрывается травмированное страхом «истинное Я», боящееся обнаружения. Гиперрефлексия, постоянное внутреннее комментирование собственных действий – это способ сохранить контроль над ситуацией и предотвратить разрушение границ личности.

Четвёртая задача решена через интерпретацию некоторых эпизодов романа. Ночной кошмар Самгина рассматривается как классическая художественная иллюстрация лэнговского «психологического расщепления»: герой не может избавиться от множества ложных идентификаций, которые теснят и душат его.

Таким образом, роман М. Горького «Жизнь Клима Самгина» может быть прочитан как художественное исследование экзистенциального кризиса личности, предвосхитившее открытия экзистенциальной психологии. Открытый финал романа (проблема окончательной гибели героя) символизирует незавершённость процесса «расколотого Я», которое не может быть ни исцелено простым волевым усилием, ни окончательно разрушено. Перспективы дальнейшего исследования включают применение лэнговской концепции к другим персонажам романа (Кутузов, Лютов, Нехаева, Макаров), а также сопоставление горьковской антропологии с описаниями онтологически неуверенной личности в работах других представителей антипсихиатрии (Т. Сас, М. Фуко).

Материалы исследования | Research materials

1. Горький М. Собрание сочинений: в 16 т. М.: Правда, 1979a. Т. 11. Жизнь Клима Самгина. Часть 1.
2. Горький М. Собрание сочинений: в 16 т. М.: Правда, 1979b. Т. 12. Жизнь Клима Самгина. Часть 2.
3. Горький М. Собрание сочинений: в 16 т. М.: Правда, 1979c. Т. 13. Жизнь Клима Самгина. Часть 3.
4. Горький М. Собрание сочинений: в 16 т. М.: Правда, 1979d. Т. 14. Жизнь Клима Самгина. Часть 4.

Источники | References

1. Ануфриева Н. И. Фигура Другого в рамках онтологической уверенности – неуверенности личности // Мир науки. Педагогика и психология. 2025. Т. 13. № 2.
2. Бедрикова М. Л. Повествование М. Горького «Жизнь Клима Самгина»: режим чтения // Гуманитарно-педагогические исследования. 2020. Т. 4. № 3.
3. Бялик Б. А. Судьба Максима Горького. Изд-е 2-е. М.: Художественная литература, 1973.
4. Гавриш Т. Р. Дом как фактор формирования личности (на материале романа М. Горького «Жизнь Клима Самгина») // Вестник Костромского государственного университета. 2018a. Т. 24. № 1.
5. Гавриш Т. Р. Максим Горький как художник-новатор: экзистенциальное начало романа «Жизнь Клима Самгина» // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. 2018b. Т. 4 (70). № 2.
6. Жегалов Н. Самгинщина и декаданс // Вопросы литературы. 1958. № 3.
7. Кнорре Е. Ю. Неомифология усадьбы в романе А. М. Горького «Жизнь Клима Самгина» // Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31. № 3.
8. Колобаева Л. А. Концепция личности в русской литературе рубежа XIX-XX вв. М.: Изд-во МГУ, 1990.
9. Коптева Н. В. Концепция онтологической неуверенности-уверенности Р. Лэйнга // Развитие личности. 2011. № 1.
10. Коптева Н. В. Уровни онтологической уверенности в связи с психологическим здоровьем (на основании концепции Р. Лэйнга) // Национальные приоритеты России. 2010. № 1 (3).
11. Лесевицкий А. В. «Расколотое Я» Клима Самгина: исследование полифонического и монологического характеров // Нижневартовский филологический вестник. 2024. № 1.
12. Лесевицкий А. В. Анализ элементов экзистенциального дискурса в романе А. М. Горького «Жизнь Клима Самгина» // Вестник Гуманитарного университета. 2023. № 4 (43).
13. Лесевицкий А. В. Клим Самгин как метафизический двойник «подпольного человека» Ф. Достоевского // Вопросы литературы. 2025. № 2.
14. Лэнг Р. Д. Расколотое «Я». СПб.: Белый Кролик, 1995.
15. Лэнг Р. Д. Феноменология переживания. Райская птичка. Львов: Инициатива, 2005.
16. Овчаренко А. И. Избранные произведения: в 2 т. Изд-е 4-е. М.: Художественная литература, 1986. Т. 1. М. Горький и литературные искания XX столетия.
17. Оляндэр Л. К. Психологическое поле и проблема когнитивного диссонанса в романе М. Горького «Жизнь Клима Самгина» // Максим Горький и мировая культура: сб. науч. ст. / под ред. Л. А. Спиридоновой. М.: ИМЛИ РАН, 2023.
18. Подавылова И. А. Шизоидный персонаж и «шизофренический дискурс» в литературе XX века // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2025. Т. 18. Вып. 12. https://doi.org/10.30853/phil20250692
19. Савинкова Т. В. Экзистенциальная проблематика в романе М. Горького «Жизнь Клима Самгина» // Максим Горький и мировая культура: сб. науч. ст. / под ред. Л. А. Спиридоновой. М.: ИМЛИ РАН, 2023.
20. Чоран Э. Искушение существованием. М.: Республика; Палимпсест, 2003.

Информация об авторах | Author information

RU

Лесевицкий Алексей Владимирович[1]
[1] Пермский филиал Финансового университета

EN

Alexey Vladimirovich Lesevitsky[1]
[1] Perm Branch of the Financial University

[1] *lesev100@mail.ru*

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 06.05.2026; опубликовано online (published online): 04.06.2026.

Ключевые слова (keywords): роман «Жизнь Клима Самгина»; экзистенциальная психология; расколотое Я; онтологическая неуверенность; философия ненасилия; novel “Life of Klim Samgin”; existential psychology; divided self; ontological insecurity; philosophy of nonviolence.